

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ВРАГАМИ

П. БОРОДКИН.

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ОЧЕРК

Продолжаем печатать коллективную документальную повесть о занятии и становлении Советской власти на Алтае. Сегодня публикуется седьмая глава. Предыдущая глава напечатана в №№ 27—30 за 1966 год.

1.

«Над Барнаулом — веселый перепон колоколов.

Тонкой залобовавшейся разногласие колокольной мелодии, как в пасхальном празднике, чисто и торжественно вторили «коренные» — самые большие колокола.

Соборный «батушка» отец Анем, подвиг Заводовский босомуно, ночной птицей, сповал возле царских врат. Тот самый Анемподист, с благословения которого черносотенцы устроили в городе погром в октябре 1905 года. Сейчас он со всей силой красноречия выважал к всевышнему о карах небесных на головы большевиков и всех совдепшников». Протопоп требовал кропи.

А тем временем сын соборного регента штабс-капитан Ракин усердствовал в искоренении ала. Должнике коменданта города отперывала перед ним безбрежное «поле деятельности» и обеспечивала полную безнаказанность.

Есть в Барнауле на улице Мало-Оловской трехэтажное каменное здание (сейчас там размещается обшкитне медицинского института). Когда-то это здание выстроил купец Поскотин, которому за скверность и зрехоборство людей дали меткое прозвище — «селезенный грош». На века купец строил здание — с толстыми стенами, глухим двором, темным подвалом.

В этом здании белогавардейцы устроили востенок. Штабс-капитан Ракин, довольно дотирал руки, осматривал помеще-ние.

— Подходящий дом... И главное — кладбище рядом. — Белогавардейские

ицейки бросили в востенок триста партийных и советских деятелей, а также тех, кого подозревали в оочувствии Советской власти. Не было ни следствия, ни суда. Обреченные ждали пытки и смерть. Среди белогавардейцев на кладбище тремали вивточично залпы. Расфранченные буржуи шли сюда, чтобы потешить душу кровавым зрелищем. На могилых дамских шляпках и на бортах добротных мужских костюмов аелевели денги и банты. Любезничали. Конетинчали. Перебрасывались шутками в ожидании очередной жертвы. Очень хотелось им увидеть, как большевики будут униженно молить о пощаде.

Под усиленным офицерским конвоем привели заведующего военным отделом Барнаульского Совета Малюкова. Он шел с гордо поднятой головой.

Улыбался и измурялся от яркого солнца, начальник конвоя залова-тельски сказал Малюкову: — Выберите сами местечко, где вам больше нравится...

Малюков шагнул вперед, к черному от времени мотильному кресту. На его груди появилась четкая надпись химическим карандашом: «Н. Малюков».

Твердый голос возвестил: — Я готов! Разарядженная толпа жестоко ошиблась в своих тайных надеждах. Не молила о пощаде, а уверенность в близкой победе революции прозвучала в словах большевика.

2.

Под видом землемеров Присягина, Цаллина, Казакова и Фомина вошли в деревню Луковку Каменского уезда.

Был воскресный июльский полдень. В центре деревни, как всегда, людно. Здесь нашим дутинкам повстречались пять человек. Они не походили на крестьян. Один из них долго шурил близорукые глаза, потом заговорил с едкой насмешкой: — Вот это встреча! Выходит, откомиссарился, товарищи!

То был знакомый учитель, асер Филлимонов.

Вокруг собрались любопытные. Уж не сдерживая злобы, Филлимонов потребовал: — Хватайте большевиков! Вжик-те их.

Крестьяне не могли разобраться, в чем дело. Но несколько мужиков из тех, что побегаче, уже поняли и выдвинулись вперед, готовые к услуге.

— Этот особо опасный. — Филлимонов ткнул пальцем в сторону Присягина.

Чей-то дюжий кулак мелькнул в воздухе. Лицо Присягина залилось кровью. Но второго удара не последовало — по собравшейся толпе пробежал тревожный ропот: — Пошто самосуд чините?

На другой день арестованных повезли из деревни в Камень. К подводам подходили крестьяне, украинкой соваля в подводы продукты. Всего два дня пробыли пленники в каменской тюрьме. Их посадили на пароход и доставили в Барнаул.

За решетку тюремных оконечек, где сидели большевики, просочились слухи о кровавых расправках барнаульских белогавардейцев. Одианжик дежурный Барнаульского полка запросил от тюремной администрации данные о четырех «главарях совдепиз» — Присягине, Цаллине, Казакове, Фоmine. Было вретуно догадаться — зачем.

Иван Присягин, опытный конспиратор, сумел передать записку бар-

наульским большевикам, оставшимся в воде. В ней говорилось: «Товарищи, нужно придумать все условия к освобождению Цаллина. Ему первому грозит опасность быть убитому!..», и дальше: «Не сегодня — завтра расправя. Головы на обед в качестве десерта. Очередь неагента. Особо опасно Ц. (Цаллина)».

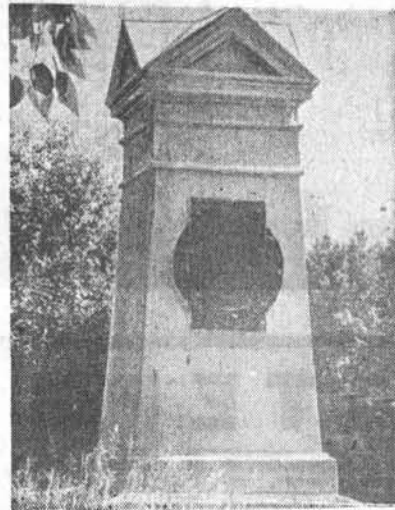
Ученик Ленинского филологического института Иван Присягин остался верен себе. Суrowой правдой, скромностью, заботой о других проникнуты строки его записки.

Поздним вечером 26 сентября 1918 года в барнаульскую тюрьму явился конвой. Старший конвоя прапорщик Еремеев предъявлял требование за подписью Ракина о немедленной вылате заключенных Присягина, Цаллина, Казакова и Фомина.

Загромыхали тяжелые затворы, аскрипели и ржавые петли дверей, в коридоре послышалась глухая возня.

Приникнув ушами к дверям своих камер, узники услышали возглас: — Проходите, товарищи! Нас уводит пьяная банда офицеров!..

Прошло почти полвека с тех пор. Подробности гибели Присягина, Цаллина, Казакова и Фомина так и остались неизвестными. Ясно одно — они приняли мученическую смерть. Белогавардейщина спрятала койцы в воду — до сих пор точно

Памятник в городе Барнауле на месте расстрела большой группы партийных и советских работников в 1918 году.

не установлено место захоронения героев...

3.

Советская власть многое дала Алексу. Она, прежде всего, вернула и прочно закрепила за ним фамилию, ранее похороненную высокомерием и пренебрежением чиновников к «голу перекатной».

Алеха немало и приятно удивлялся, когда в Барнаульском Совете его называли по имени-отчеству на предмет получения долгожданного

пенсiona. И еще его называли товарищем. На теснущем Алексном лице проступил румянец. Он даже прикинулся глухим, чтобы услышать это слово еще раз.

— Товарищ Перевалов, пойдите направо по коридору в реквизиционную комиссию!

В конце коридора толпились человек двадцать. Некоторые знакомы Алексу. Тотже «голь перекатной». Вон подвигник Максим Галкин. Алеха совсем ослепел и твердым независимым тоном спросил: — Здесь, что ли, комиссия?

— Тута... становись в хвост...

Из дверей то и дело стремглав выбегали люди — радостные, возбужденные, размахивали какими-то кургузыми, в восьмизулку листа, бумажками.

Наконец, и Алеха открыл дверь. В просторной комнате за столом сидели несколько человек. И опять удивление. Среди сидевших — знакомый пимокат Рудakov, Улыбнувшийся и молча ткнул в лежавший на столе список.

Человек, что сидел в центре, деловито спросил: — Товарищ Перевалов Алексей Иванович? — и, не ожидая ответа, протянул уже знакомый лист бумаги.

— Это ордер на получение разного материального пособия увечному воину. Походите на скотоперемонный пункт купца-мясопромышленника Колокольниково. От нашего представителя примете в собственности корову. Сегодня же...

И вот чудо — приплыл Алексу ладить для коровы пристройку во дворе, корова, как корова. Коломаля, красной масти. А Алеха все ходил вокруг нее и диаволял: — Ниш, ты, бьют!

В этот раз и Алексу впервые объяла гордость настоящего главы семьи. Выходило так, что его заслуги, бесспорные, но не замечаемые раньше, теперь, наконец, признали люди.

«И вдруг не стало Советской власти. И никто уже не называл Алексу товарищем. Прислушивался к людским разговорам в надежде уразуметь суть

новой и непонятной власти. Слово грубым слухом уловил, что слово «товарищ» вытесняло страшное «господин».

Скоро в голове Алексу наступило некоторое просветление — никто не собирался выплачивать пенсию...

Как-то, слоняясь по городу, Алеха остановился у шестигранной афишной будки на Петропавловской площади.

Большой свежий лист серой бумаги апрочертили равные шеренги букв, больших и жирных, чтобы каждому были ясны. Смысл напечатанного не для Алексу: он только и знал одни цифры, а буквы — ни одной. И прочитав-то некому. Люди проходили, но любопытствовали впустую — были темными.

И вдруг в ноздри шибанул острый запах духов, хорошо знакомый Алексу по прежней работе гвардейского в Народном доме.

Отянувшись и глаза сощурился от блеска накрахмаленной белоснежной сорочки, туго стянутой в ворота черной бабочкой.

Высокий мужчина словно не видел Алексу. Достал пенсия и вписал глазами в строки. Наверное, они ему очень понравились и потому он начал читать вслух: «Все имения, принадлежатие, как отдельным лицам, так равно и товариществу, обшеством, учреждением, лежащие на землях арестованных и собственных, возвращаются со всем инвентарем, живым и мертвым, принадлежатием хозяевам».

И человек заговорил уже с Алексой. В голосе одновременно звучали нотки гнева и торжества: — Это постановление Временного Сибирского правительства — блестящая экономическая санкция против большевистских Советов! Восторжествовала наша справедливость!

А через несколько дней на Березовую улицу, где жительствовадал Алексу, нагрянули миллионеры. За их спицами — несколько штакеток.

В предчувствии недоброго Алексу сжался в комоч.

(Продолжение следует).

